

Она, Майя Плисецкая!

Фото А. Конькова

20 ноября – день рождения Майи Плисецкой. 28-го она отмечает его на сцене Большого театра. Мы посвящаем великой балерине свою 12-ю страницу.

Культура. – 1995. – 18 нояб. – С. 1.

Она, Майя Плисецкая!

Наталья ШАДРИНА

“Я Майя Плисецкая...” – самое интересное, самое захватывающее из того, что написано о Майе Плисецкой, и давайте-ка в ожидании ее юбилея откупорим шампанского бутылку и перечтем.

Тем более что мы, читатели, в этой книге люди не последние – прямо-таки со страниц не сходим. Пригласив нас в путешествие по своей жизни – “В путь, читатель. С Богом!...”, автор с нами уже не расстается. Постоянно впрямую обращается к нам, задает вопросы, строит предположения относительно возможной реакции, сердится или настороживает, если реакция предугадывается не такая, какую хотелось бы. Короче, так настойчиво втягивает в мысленный разговор с собою, что не откликнуться, “промолчать” – просто невозможно.

Язык изъясняется образным, сочным. Два-три штриха – и готова характеристика, готов портрет, очерчен облик города, потянуло прямым ароматом экзотического блюда. Здесь все перемешалось, как в жизни, – сиюминутные эмоции и мысли и вспоминаемые, настоящее и прошлое, трагическое и забавное, работы над книгой и сама книга.

Главный принцип, исповедуемый и в писании, и в жизни, – быть самой собой. Плисецкая вызывающе, демонстративно подает себя такой, какая она есть, со всеми недостатками и достоинствами, со всеми своими слабостями, порою курьезными и смешными.

Небожительства нет и тени. Взять хотя бы анекдот о балерине, попавшей в кораблекрушение, – выплыла, потому что была глупа, как пробка... А

но какие по ходу изобретаются слова и словечки, какие тут и там возникают диковинные обороты – кажется, ни один редактор не прошел бы мимо. Но попробуйте только представить приглаженный этот текст – невозможно. Не из той он будет оперы, не из того, то есть, балета!

Вся книга написана не по общим правилам, не по закону, неожиданно. Впрочем, ничего удивительного – быть неожиданным этот автор давно уже взял себе за правило.

Здесь все перемешалось, как в жизни, – сиюминутные эмоции и мысли и вспоминаемые, настоящее и прошлое, трагическое и забавное, работы над книгой и сама книга.

Главный принцип, исповедуемый и в писании, и в жизни, – быть самой собой. Плисецкая вызывающе, демонстративно подает себя такой, какая она есть, со всеми недостатками и достоинствами, со всеми своими слабостями, порою курьезными и смешными.

Небожительства нет и тени. Взять хотя бы анекдот о балерине, попавшей в кораблекрушение, – выплыла, потому что была глупа, как пробка... А

Цветы – Белому лебедю

кам, берущимся судить о том, чего нельзя постыдиться, если сам не пережил; из-за импресарио, ничего не имевшим против того, чтобы наживаться с помощью советской системы на наших артистах.

Но политика политикой, а жизнь шла своим чередом. Как истинная женщина, Плисецкая подробно описывает быт. В каких квартирах жили, что ели, как себя одевали. Немаловажная часть жизни – вот и в книге ей места отводится немало.

Потому, что многое другого, на первый взгляд кажется, что пародично мало балета. Но это только на первый. Щедрин, любовь к которому освещает всю книгу, – не про

стю любимый муж, но и, что все время подчеркивается, постоянный соучастник творчества. И вся повесть о жизни,

как и сама жизнь, пронизана жаждой стремлением танцевать, делать что-то новое, свое. Танцы ставились скоро, да не скоро доставалось разрешение их становиться. Таково временные соотношения и в книге. Не тратя лишних слов на репетиции и премьеры (балет видеть надо!), Плисецкая описывает долгую, изнурительную борьбу за свои спектакли. В сущности, история ее балетов есть прежде всего история ее борьбы. Читаясь о чиновничих идиотских придирках, изуверских “советах” и исподволь начинай проникаться ее яростью, понимать ее гнев. К счастью, ярость не была бессильной – бороться Плисецкая научилась. Но горечь все равно остается – сколько было отнято сил, сколько еще могло бы быть сделано. Она тоже жалеет об этом, а впрочем – “...и на том спасибо. Спасибо природе своей, что выдюжила, не сломалась, не сдалась”.

И хорошим, и плохим, встреченным на своем пути, воздает по заслугам. Добро помнит. Но и гневу, ярости волю дает. То, что простить не может, прощать и не считает нужным.

Имея свое понятие о сути и ходе вещей, ни к какому “лагерю” примкнуть не стремится (ведь в каждом “лагере” есть свои плохие). И, нильяго гнева вызвать не опасаясь, всем сестрам раздает по сердцам – не

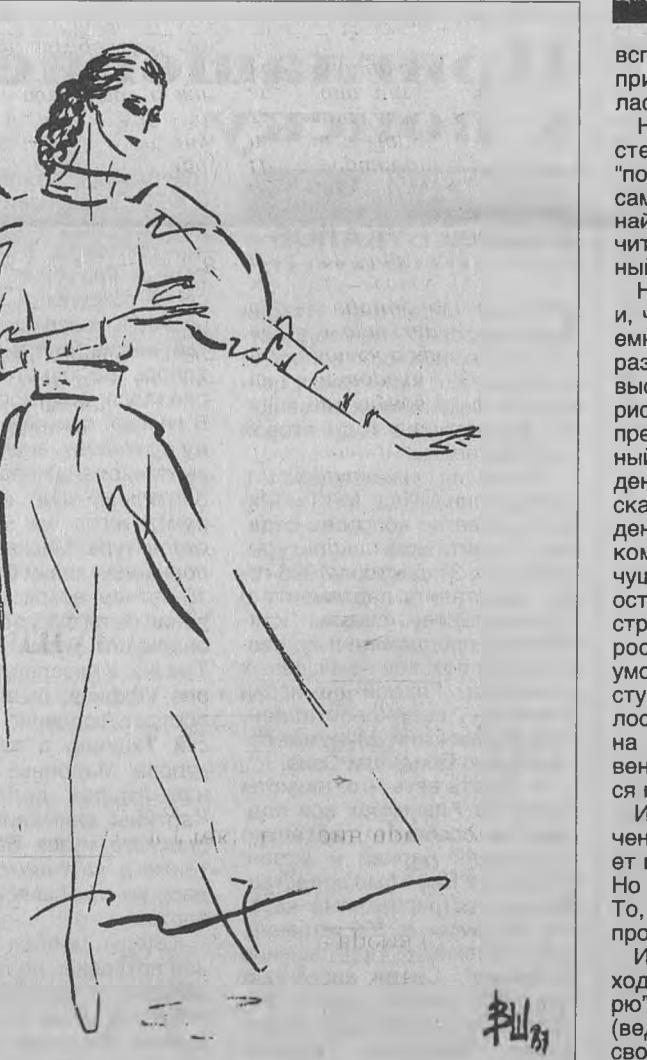
“Анна Каренина”

но написана не для этого. Для того, чтобы задеть за живое (и задевает – равнодушных, как говорится, нет!). Для того, чтобы мы поняли, какая она, Майя Плисецкая. (Такая, которая только такую книгу и могла написать!) “Редактировать” нельзя – выйдет другая Плисецкая. А разве мы можем пожелать себе другую?

Последние страницы – описание юбилейного вечера в Большом театре. 50-летие творческой деятельности. Последняя фраза – вопрос “Может, сегодня мой звездный час?” Прошло два года. Весь мир празднует ее день рождения. Она вновь танцует премьеру в Париже. И через десять дней – снова юбилейный вечер в Большом театре. Видимо, ее звездный час – всегда впереди, на не написанной еще странице...

28 ноября в Большом ей опять предстоит как следует поучаствовать, ибо, как всегда, сидению в ложе она предпочитает сцену. “Оборотни” (“Курорзук”), “Умирающий лебедь”, “Айседора”... Но что тут можно сказать, что пожелать ей? Только – прийти, и становиться, и снова победить. За это и поднимем свой бокал!

Рисунки Владимира Шахматова, художника, оформившего книгу “Я. Майя Плисецкая”.

“Лада с собачкой”

На репетиции с Морисом Бежаром и Хорхе Донном